

Александра Белова · Лиа Таур

Просто парфюмер

#5

Просто парфюмер

Александра Белова

Просто парфюмер 5

«Автор»

2026

Белова А.

Просто парфюмер 5 / А. Белова — «Автор», 2026 — (Просто парфюмер)

Поиски «честного аромата» завели меня в тупик, но одновременно и открыли что-то давно забытое во мне самой. И в тот самый момент, когда я почти прикоснулась к чему-то настоящему, моя профессиональная репутация оказалась на волоске от краха. Помощь пришла оттуда, откуда я ждала её меньше всего. Он не просто дал мне совет — он заставил меня посмотреть на моё искусство под совершенно другим углом. Я вдруг осознала, что за маской простого повара скрывается нечто гораздо более глубокое и тонкое. Талант, который я, в своём высокомерии, отказывалась замечать. Этот профессиональный прорыв неожиданно стал и личным. Стена между нашими мирами дала первую, самую важную трещину.

© Белова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лиа Таур, Александра Белова

Просто парфюмер. Том 5

Глава 1

Тишина после ухода Ромы просто давила на уши. Моя залитая светом квартира вдруг стала похожа на огромный склеп. Это был мой личный храм чистоты и порядка, но сейчас в нём было до жути неуютно. Я бесцельно бродила из комнаты в комнату. Ходила туда-сюда, как неприкаянное привидение. Поправляла и без того ровно стоящие на полках флаконы с духами. Протирала тряпкой столы. Но ничего из этого мне не помогало успокоиться. Весь беспорядок был не снаружи, а у меня в голове. А там, к сожалению, влажную уборку с моющим средством просто так не сделаешь.

Рома тогда сказал, что между нами выросла стена. И ведь с этим даже не поспоришь. Я-то, наивная дурочка, всё это время думала, что мы усердно строим мост друг к другу. А оказалось, что каждый из нас строил свою половину толстой кирпичной стены. Мы принимали её за опору, а на самом деле просто отгораживались.

Я изо всех сил пыталась затащить его в свой правильный мир. В мир, где люди с умным видом обсуждают винтажные духи, пьют дорогое шампанское и носят смокинги. А он так же упорно тянул меня в свой. Туда, где громко смеются, где всё время пахнет жареным мясом, свежей краской и шумной улицей. Оба раза мы просто с разбегу врезались лбами в эту невидимую преграду.

Прошла одна ночь, потом потянулась вторая. Мой телефон лежал на столе и предательски молчал. Я совершенно не знала, что ему написать в сообщении. А он, судя по всему, не знал, что я хочу от него услышать. Обычно мой смартфон не замолкал ни на минуту. Рома постоянно присылал мне свои дурацкие, но такие милые фотоотчёты. То криво положенная плитка в его новом кафе, то особо наглый голубь, который пытался украсть кусок булки прямо с витрины. А теперь телефон превратился в бесполезный кусок пластика.

Эта тишина сводила меня с ума. Я честно пыталась заставить себя работать. Мне нужно было закончить мой новый шедевр. Но, как назло, все пробирки и сложные формулы пахли теперь только тоской и горьким одиночеством. Никакого счастья там и близко не было.

На третий день я окончательно поняла – всё, это финиш. Это была не жизнь, а какая-то медленная и мучительная пытка. Я сидела на стуле в своей лаборатории, тупо пялилась в белую стену и чувствовала себя самым несчастным человеком на свете. Да, у меня на руках был контракт века. Да, меня ждали большие деньги и мировая известность. Но в груди теперь зияла огромная чёрная дыра.

И вдруг в дверь робко постучали. Стук был такой тихий и неуверенный, что я сразу догадалась – это точно не моя бойкая помощница Лена. Я даже не стала отвечать, у меня просто не было на это никаких моральных сил. Но ручка всё равно повернулась, белая дверь тихо приоткрылась, и на пороге показался он, мой Рома.

Выглядел он, если честно, не очень радостно. Уставший, какой-то помятый и с явно виноватым выражением лица. А в руках он крепко держал большой бумажный пакет. И из этого пакета доносился такой знакомый, такой родной, но такой неуместный в моей лаборатории аромат. У меня внутри всё сжалось и защемило.

– Привет, – тихо сказал он, не решаясь пройти дальше порога. – Я тут это... обед тебе принёс. Подумал, ты, наверное, опять за своими колбочками про нормальную еду забыла.

Он сделал один неуверенный шаг внутрь, и всё. Моя выверенная до последней молекулы лаборатория мгновенно сдалась без боя. Она просто капитулировала под натиском этих мощных запахов. Это была настоящая ароматическая бомба!

В воздухе повис пряный запах шафрана. Видимо, им была щедро посыпана горячая курица. Следом ударил дымный, слегка сладковатый дух жареного на гриле сочного мяса. И в самом конце всё это великолепие накрыла свежая нота зелёной кинзы и чесночного соуса. Эти запахи были такими живыми и настоящими. Они нагло ворвались в моё царство холодных стеклянных формул, как толпа хулиганов-первоклассников в тихий читальный зал строгой библиотеки.

Я смотрела на Рому, потом переводила взгляд на манящий бумажный пакет и отчаянно боролась сама с собой. Мой пустой желудок громко и предательски заурчал на всю комнату. Он требовал немедленно выхватить еду и съесть её. Одна моя половина просто кричала: «Бросься ему на шею, расплячься и съешь уже эту чёртову шаурму!». Но другая половина – старая, упрямая Ева-перфекционистка – вцепилась в свои принципы мёртвой хваткой. Мой чувствительный нос вдруг сам собой сморщился. Это всё было слишком. Слишком громко, слишком ярко, слишком по-простому для моего мира.

– Спасибо, Рома, – еле выдавила я из себя. Изо всех сил старалась улыбнуться, но моя улыбка больше походила на жуткую гримасу от больного зуба. – Это очень мило с твоей стороны, но я совсем не голодна.

Какая же наглая и глупая ложь. Я была голодна как бездомный пёс, но признаться ему в этом значило сдаться и проиграть. Я даже сама толком не понимала, в чём именно заключается проигрыш. Но глупое упрямство заставляло держать оборону.

Рома не был дураком, он всё прекрасно понял. Его робкая улыбка медленно сползла с лица, и в карих глазах осталась только тяжёлая усталость.

– Понятно, – тихо вздохнул он. Следом аккуратно поставил свой пакет на самый краешек моего рабочего стола. Подальше от драгоценных колб, мензурок и точных весов. – Ну, ты это... если что, поешь потом. Не пропадать же хорошим продуктам.

Он постоял на месте ещё пару секунд. Потоптался, словно собирался сказать что-то важное, но так и не решился. Потом просто молча кивнул головой и вышел за дверь, аккуратно прикрыв её за собой. Попытка номер один с треском провалилась.

Я снова осталась совсем одна. Наедине с этим несчастным пакетом, из которого пахло самой вкусной заботой на свете. И эту заботу я только что грубо оттолкнула собственными руками.

Ближе к вечеру меня окончательно сожрало чувство вины. Я сидела на диване и понимала, что теперь моя очередь делать шаг навстречу. Звонить по телефону было бы обыкновенной трусостью. Надо было прийти к нему самой. Показать, что я тоже могу спуститься с небес на землю и войти в его простой, понятный мир.

Я собрала всю свою волю в кулак. Подошла к шкафу, достала оттуда самые обычные синие джинсы, надела их вместе с кашемировым свитером и поехала по его адресу. Не к нему домой, а прямо на пыльную стройку. В его будущее быстро.

Ремонт там шёл полным ходом, двери были открыты нараспашку. Оттуда на всю улицу громко визжала работающая дрель, раздавался раскатистый мужской смех и орала из колонки какая-то жутко прилипчивая и пошлая попса. Я тяжело вздохнула, зажмурила глаза и смело шагнула в этот строительный хаос. И буквально через секунду горько об этом пожалела.

На мне были надеты светлые бежевые замшевые лодочки. Они стоили столько, сколько половина рабочих здесь зарабатывала за целый месяц. И вот эти туфли в одно мгновение покрылись толстым слоем строительной пыли. Они стали похожи на пирожки, которые щедро обвалили в муке перед жаркой на сковороде.

Дышать в помещении было невыносимо тяжело. В воздухе стоял туман из пыли. Воняло дешёвой масляной краской, каким-то едким растворителем и крепкими сигаретами. А от бьющих по мозгам басов из музыкальной колонки у меня сразу начала пульсировать голова.

Рома стоял высоко на хлипкой алюминиевой стремянке под самым потолком. Он прикручивал отвёрткой железный плафон светильника. Когда повернул голову и увидел меня внизу, то от неожиданности чуть не рухнул вместе с этой стремянкой на бетонный пол.

– Ева? Ты чего здесь?

Он мигом слез по ступенькам вниз. Весь его рабочий комбинезон был перепачкан в побелке. На небритых щеках красовались смешные белые разводы. Но при этом он улыбался так широко и счастливо, что казалось, будто светится изнутри. Он был в своей родной стихии.

– Вот это сюрприз! – радостно прокричал он сквозь сильный шум музыки. Но его радость длилась недолго. Он опустил глаза вниз и увидел мои многострадальные туфли. – Ой. Блин, твои туфли. Ты прости, у нас тут... ну, грязновато пока. Ремонт же.

Он сделал неловкое движение и потянулся своей огромной рукой к моим ногам. Хотел просто отряхнуть пыль. Но его широкая ладонь была полностью измазана в какой-то белой сырой шпаклёвке. Я испугалась за дорогую обувь и инстинктивно резко отпрыгнула от него назад, как от прокажённого.

– Не трогай руками! – испуганно взвизгнула я. – Они же из натуральной замши! Их теперь только на помойку нести!

Эти обидные слова вылетели из моего рта быстрее, чем мозг успел подумать. Я тут же прикусила язык, но слово не воробей. Огонёк в глазах Ромы моментально погас. Его счастливая, широкая улыбка исчезла без следа.

Он медленно выпрямился во весь свой рост и посмотрел на меня сверху вниз. И в этом его взгляде я ясно прочитала ровно то же самое, что он видел в моих глазах сегодня утром в лаборатории. Полное непонимание и горькое, тяжёлое разочарование.

– Прости, – буркнул он и отступил на два шага назад. – Я не подумал как-то. У нас тут стройка идёт, грязь кругом. Место совсем не для замши. И не для тебя.

В этот момент двое крепких рабочих в заляпанных робах перестали сверлить стену. Они с откровенным любопытством пялились на нашу ссору. А потом один из них решил, что перерыв окончен, и прибавил громкость на колонке ещё сильнее. Я невольно вздрогнула и скривила лицо. Попытка номер два провалилась с ещё большим грохотом, чем утренняя шаурма.

Мы просто стояли молча посреди этого строительного мусора. Вокруг летала цементная пыль, орала дурацкая песня. Рома переминался в своих тяжёлых рабочих ботинках, а я глупо пялилась на свои испорченные дорогие туфли. Стена между нами никуда не делась. Она стала только выше, толще и крепче. Мы оба пытались всё исправить, и мы оба снова облажались. Что делать дальше, никто из нас не имел ни малейшего понятия.

Следующие несколько дней прошли в каком-то дурацком напряжении. Мы с Романом сталкивались и общались так, словно были двумя вражескими шпионами, которых почему-то заставили жить в одной квартире. Мы сухо и вежливо кивали друг другу при встрече. Бросали короткие, ничего не значащие фразы вроде «Привет, как дела, нормально». И старательно отводили взгляды в сторону, чтобы не смотреть друг другу в глаза. Было дико неловко, невероятно глупо и просто невыносимо терпеть эту обстановку.

И тут в дело вмешалась моя помощница Лена. Энергии у этой девочки было столько, что можно было освещать небольшой район города. Однажды утром она просто ураганом влетела ко мне в лабораторию. Вид у неё был решительный.

– Так, всё! Моё терпение лопнуло! – громко заявила она прямо с порога. Лена упёрла руки в бока и уставилась на меня в упор. – Я больше не могу смотреть на этот цирк! Вы оба ходите по углам с такими кислыми лицами, будто у вас любимого кота украли! Это же не работа, а сплошная пытка для окружающих!

– Лена, иди займись делом. Если ты не заметила, я тут пытаюсь работать с новыми формулами, – холодным тоном отозвалась я.

Я усердно делала вид, что меня до безумия интересует узкая бумажная полоска с образцом эфирного масла апельсина.

– Да ничего вы не работаете! – возмущённо отмахнулась от моих слов Лена. – Вы уже целый час гипнотизируете одну и ту же несчастную бумажку и только тяжело вздыхаете на всю комнату! Ева, послушайте меня, вам нужно нормальное, человеческое свидание! Сходите в хороший, приличный ресторан! Чтобы и вам там было комфортно, и ему было интересно покушать!

Логика у моей ассистентки была простой и прямолинейной. Но, к моему огромному сожалению, в её словах было очень много здравого смысла. Мы оба упрямо пытались затащить друг друга на свою территорию. И оба раза потерпели позорное фиаско. Может, и вправду пора было попробовать встретиться где-то ровно посередине?

Я тяжело выдохнула и сдалась. В тот же самый вечер собрала остатки своей смелости и набрала номер Ромы. Гудки шли долго. Наконец он взял трубку, его голос звучал очень устало и как-то совсем отстранённо, без привычной теплоты.

– Привет. Это Ева.

– Привет, – сухо ответил он.

– Слушай, Рома... я тут подумала... может, мы сходим куда-нибудь вместе? Ну, поужинать вечером.

На том конце провода повисла такая долгая, тяжёлая пауза, что я даже убрала телефон от уха и посмотрела на экран, проверяя, не оборвалась ли связь.

– В смысле? Прямо в ресторан пойдём? – переспросил он.

В его голосе было столько искреннего удивления, будто я только что предложила ему угнать самолёт и улететь в Африку.

– Ну да. В самый обычный ресторан, – поспешно подтвердила я. Я чувствовала себя круглой идиоткой. – Просто... давай попробуем ещё разок. По-нормальному, как все люди делают.

– Ладно. Давай попробуем, – согласился он после небольшой заминки.

Место для ужина, конечно же, выбирала я. И это стало моей самой главной катастрофической ошибкой. В своей дурацкой попытке найти идеальный компромисс между нашими мирами, я решила бить наверняка. Я забронировала лучший столик в заведении под названием «Le Cristal». Это был модный, обсуждаемый в журналах и запредельно пафосный ресторан во всём нашем городе. Место, где местный шеф-повар не просто готовил еду, а создавал из продуктов сложные концептуальные инсталляции. А цены в меню там больше напоминали номера телефонов с кодом страны. В моей голове этот план казался безупречным: Рома ведь повар, он любит и ценит еду, значит, он просто обязан по достоинству оценить настоящее высокое кулинарное искусство.

Рома, надо отдать ему должное, очень старался соответствовать моим ожиданиям. На ужин он пришёл в своей парадно-выходной одежде. На нём была светлая приличная рубашка и какой-то тёмный пиджак, который был ему явно узковат в плечах. Казалось, он ненавидел этот пиджак всей душой. Рома даже честно пытался мне улыбаться, но я сразу заметила, как сильно ему было не по себе.

Всё пошло наперекосяк прямо с порога. Высокомерный швейцар в смешной ливрее с золотыми пуговицами смерил Рому таким презрительным взглядом, словно перед ним стоял бездомный бродяга. Рома от этого взгляда весь как-то сжался, ссутулился и стал изо всех сил пытаться занимать как можно меньше места в пространстве.

Огромный зал ресторана больше всего был похож на элитную хирургическую операционную или ледяной замок Снежной королевы. Повсюду лежали белоснежные, накрахмален-

ные скатерти. На столах слепил глаза сверкающий хрусталь и начищенное до идеального зеркального блеска тяжёлое серебро. А главное – там стояла такая тишина, что было отчётливо слышно, как у какого-то солидного мужчины за соседним столиком заурчало в животе. Люди в этом зале почти не разговаривали вслух, а только тихо перешёптывались. И они не просто ели пищу, а совершали над тарелками какой-то сложный религиозный ритуал.

– У меня такое чувство, что я попал в мавзолей, – тревожно прошептал мне на ухо Рома, когда услужливый официант отодвинул для нас стулья и мы сели за свой столик. – Атмосфера тут какая-то слишком... торжественная. Я даже боюсь громко вдохнуть, вдруг потревожу тут чьи-то важные мысли.

Я только нервно хихикнула в ответ. Мне самой уже было жутко не по себе от этого пафоса. Я начала смутно догадываться, что моя затея с этим рестораном была полным провалом.

Официант принёс нам меню. Оно было написано красивым, витиеватым шрифтом на чистом французском языке. Это окончательно добило нас обоих. Там не было ни одного понятного, нормального слова. Сплошные «эспумы», «текстуры», «деконструкции» и загадочные «конфи». Рома смотрел на этот кусок картона с таким выражением лица, как будто пытался прочитать древнее заклинание на латыни.

– Ева, – тихонько позвал он меня, прикрывая рот ладонью, чтобы никто не услышал. – А тут вообще есть что-нибудь съедобное в человеческом понимании? Ну, я не знаю, жареная картошка там? Нормальный кусок мяса? Или они подают только вот этот «воздушный мусс из утренней росы с ароматом тумана»?

Я решила взять инициативу в свои руки и сделала заказ за нас обоих. Просто ткнула пальцем в те строчки, которые показались мне наименее странными и пугающими. Но когда официант, с лицом аристократа в изгнании, торжественно принёс наши тарелки, я поняла – этот вечер провален. Окончательно, бесповоротно и без права на апелляцию.

На огромной белой тарелке, размером с хорошую посадочную площадку для вертолёт, сиротливо лежало нечто непонятное. Это были три крошечных, почти прозрачных на свету ломтика чего-то бледно-розового. Рядом с ними аккуратно капнули три идеально круглые лужицы зелёного соуса. А сверху весь этот шедевр был слегка присыпан какой-то серой пылью, которую официант назвал «пудрой из дегидрированного молодого пармезана».

Рома уставился на это «блюдо», потом он перевёл удивлённый взгляд на меня, потом снова посмотрел на свою тарелку. Он даже слегка наклонил голову набок и заглянул под зелёную каплю соуса, видимо, искренне подозревая, что основной, сытный кусок мяса просто спрятался где-то там.

– И... всё? – спросил он вслух.

Его голос прозвучал так громко в этой тишине, что напудренная пара за соседним столиком синхронно вздрогнула.

– Это что, типа бесплатный пробник перед едой? – не унимался Рома. – А основное горячее блюдо они когда принесут?

– Рома, умоляю, тише! – зашипела я на него, чувствуя, как мои щёки начинают заливаться краской стыда. – Это называется высокая кухня! Это искусство! Это нужно не просто жевать, а медленно смаковать!

– Да тут даже смаковать нечего! – громко возмутился он. Рома начал нервно тыкать вилкой в пустое белое пространство на своей огромной тарелке. – Я это даже на язык не почувствую! Оно у меня просто между зубов застрянет, и я останусь голодным.

Он с нескрываемой тоской посмотрел на свою смешную микроскопическую порцию. Потом перевёл взгляд на моё красное лицо и, видимо, решил, что как настоящий мужчина должен срочно спасти этот провальный вечер. Он попытался широко улыбнуться и разрядить напряжённую обстановку своей коронной болтовнёй.

– А знаешь, у меня сегодня на точке в фургоне такой смешной случай был... – начал он.

И Рома принялся во всех красках рассказывать мне свою очередную уличную байку. История была про какого-то странного клиента, который на полном серьёзе пытался расплатиться за две шаурмы живым хомяком в трёхлитровой банке. Рома увлёкся. Он говорил громко, эмоционально, активно размахивал своими большими руками. Он изо всех сил пытался вернуть в этот замороженный ледяной склеп хоть каплю простой человеческой жизни и веселья.

И вот, в самый разгар своего смешного рассказа, на фразе «...а хомяк этот смотрит на меня из банки и, клянусь тебе, просто берёт и подмигивает!», Рома сделал особенно широкий и размашистый жест правой рукой...

Его крепкая рука с размаху задела высокий, хрупкий, тонконогий хрустальный бокал. Он был до краёв наполнен дорогущим коллекционным красным вином. Время в зале будто резко застыло. Я смотрела на это, как в кино на замедленной съёмке. Видела, как бокал очень медленно наклоняется вбок. Как тёмно-рубиновая жидкость выплёскивается из него наружу, образуя в воздухе страшную, фатальную дугу. И как вся эта дуга с отчётливым, громким плеском приземляется прямо на самую середину ослепительно белой скатерти.

На ткани мгновенно образовалось огромное, багровое, стремительно расползающееся во все стороны пятно. Оно выглядело точно как свежая кровавая улика на месте жестокого преступления.

Вокруг всё мгновенно замерло. Тихая фоновая музыка, кажется, вообще перестала играть. Редкие шепотки за столиками стихли разом. Официант неподалёку застыл на месте с подносом в руках и выражением вселенской скорби на бледном лице. Абсолютно все взгляды в этом пафосном зале были устремлены только на наш столик. На это чудовищное, кричащее красное пятно.

Рома сидел на стуле бледный, как эта самая скатерть ровно пять секунд назад. Он медленно опустил свою провинившуюся руку на колени и тупо уставился на последствия своего неосторожного жеста. Он будто не мог до конца поверить в реальность происходящего кошмара.

– Ой, блин... – только и смог тихо выговорить он пересохшими губами.

Я молчала. Не ругалась и не кричала. Просто сидела не шевелясь и смотрела на это огромное бордовое пятно. И в тот момент оно казалось мне самым живым и точным воплощением всего нашего ужина. Это был символ нашего тотального, оглушительного провала.

Весь остаток этого проклятого вечера прошёл в полном молчании. Подошли два официанта и бесшумно, с каменными лицами сменили нам испорченную скатерть. Потом принесли следующее блюдо по меню, которое оказалось ещё меньше предыдущего розового кусочка. Но мы с Ромой к новой еде даже пальцем не притронулись.

Мы просто сидели за столом друг напротив друга, упорно избегая смотреть друг другу в глаза. И каждый из нас думал о своём. Наша гениальная попытка встретиться на нейтральной территории закончилась тем, что мы устроили громкий локальный скандал в отдельно взятом элитном ресторане. И как нам теперь из всего этого бардака выбираться, я не имела ни малейшего понятия.

Глава 2

После того ужасного провала в дорогом ресторане между нами повисла тишина. Я сидела в своей лаборатории, перебирала пробирки с дорогущими экстрактами и думала о нас. Мы словно жили на разных планетах. Я привыкла к порядку, тишине и сложным парфюмерным формулам. А Рома... Рома – это шум, хаос, жареное мясо и постоянное движение. Со стороны мы, наверное, смотрелись забавно, но в реальной жизни нам явно ничего не светило. Слишком уж мы разные.

Но тут мой телефон, который лежал без дела два дня, коротко пискнул. Пришло сообщение от Ромы.

«Приезжай ко мне в „Бабушку“. Будем ужинать. Я накормлю тебя нормальной, человеческой едой».

И я поехала. Сама от себя такого не ожидала, но просто взяла сумочку, вызвала такси и сдалась. Это был мой способ сказать ему: «Рома, извини, я вела себя как полная дура». Его быстро почти достроили. Раньше тут была сплошная пыль и строительный мусор, а теперь всё выглядело иначе. Стены покрасили в тёплый жёлтый цвет, похожий на яичный желток. На полу лежала красивая узорчатая плитка. А в самом центре стояла она – новенькая, сверкающая стальная кухня.

Рома стоял ко мне спиной. Он протирал металлическую столешницу с такой нежностью, будто это был капот дорогой спортивной машины.

– Привет, – сказал он. Даже не обернулся, просто узнал мои шаги. – Заходи, не стой в дверях. Сегодня обойдёмся без этих ваших микроскопических порций на огромных тарелках. Будем есть простую и понятную еду. На нём был его любимый рабочий фартук. Весь в каких-то пятнах, но сейчас он казался мне плащом супергероя.

– Привет, – тихо ответила я, стараясь аккуратно ступать по чистому полу своими дорогими туфлями. – А чем это у тебя так вкусно пахнет?

Рома наконец-то повернулся. У него была очень уставшая, но такая тёплая и искренняя улыбка, что у меня в груди что-то приятно ёкнуло.

– Пахнет надеждой, – засмеялся он. – Ну и ещё немножко сосисками.

Он кивнул на блестящий гриль. Там лежали и громко шкварчали толстые, румяные домашние колбаски. Запах был просто сумасшедший. Пахло мясом, специями, дымком и чем-то очень уютным. Мой желудок, который всё ещё с ужасом вспоминал ту крошечную креветку из ресторана, громко заурчал на всё помещение. Я жутко покраснела.

– Ты прости меня за тот вечер, – вдруг серьёзно сказал Рома. Он взял щипцы и ловко перевернул сосиски. – Я там вёл себя как слон в посудной лавке. Ну не моё это всё! Эти дурацкие тесные костюмы, десять разных вилок для одной рыбы, разговоры про какие-то котировки акций... Я обычный парень, я в этом ничего не соображаю.

– Нет, Рома, это ты меня прости, – я подошла ближе к его кухонному царству. – Это ведь я всё придумала. Я сама выбрала это дурацкое пафосное место. Хотела пустить пыль в глаза, показать красивую жизнь, а получилось как всегда. Глупо и нелепо.

Он посмотрел на меня своими добрыми карими глазами. В них было столько тепла, что мне захотелось его обнять.

– Ладно, проехали. Раз мы оба виноваты, значит, счёт один-один. Боевая ничья. Садись за стол, сейчас будем ужинать.

Он снял сосиски с горячей решётки и положил их на простые белые тарелки. Добавил крупно нарезанные помидоры, хрустящие огурцы и большой ломоть свежего хлеба, который

тоже слегка поджарил на гриле. Следом поставил тарелку передо мной. Это выглядело так просто, но так аппетитно. Я только-только взяла вилку в руку, приготовившись к самому вкусному ужину в жизни, как входная дверь с жутким грохотом распахнулась. На пороге стоял огромный мужик. В грязной рабочей робе, с рыжей растрёпанной бородой и невероятно громким голосом. Я сразу его узнала – это был Витёк, один из друзей Ромы со стройки.

– Здорово, Ромыч! – заорал он на всё быстро, совершенно не замечая меня.

Витёк протопал своими грязными ботинками через весь зал и со всего размаху хлопнул Рому по спине. Рома в этот момент как раз нёс мне стакан апельсинового сока. Он пошатнулся и чудом не вылил сок мне на голову. Моя тарелка на столе тоже подпрыгнула. Одна сосиска покатилась к краю, и я с ужасом следила за ней, боясь пошевелиться.

– Витёк, твою ж налево! Аккуратнее можно?! – прикрикнул Рома, с трудом поймав равновесие. Он быстро вернул мою сосиску на место. И только тогда Витёк соизволил посмотреть в мою сторону.

– Опаньки! А ты тут, оказывается, не один! – он бесцеремонно оглядел меня с головы до ног, задержав взгляд на моей шёлковой блузке. – Здрасьте, профессор, моё почтение! – он шутовски поклонился. – Не помешал я вам тут ворковать?

Я про себя подумала, что он ещё как помешал, но вслух ничего не сказала. Только натянула на лицо вежливую улыбку. Рома посмотрел на меня. Витёк не стал ждать особого приглашения. Он с грохотом притащил к нашему столу стул и плюхнулся прямо рядом со мной.

– О, сосисоны! Какая красота! – он вообще без капли стеснения протянул свою огромную руку, взял сосиску прямо с тарелки Ромы и засунул её себе в рот. – А пиво холодненькое найдётся? А то в горле пересохло, будто я вагон с цементом разгружал в одиночку.

Рома тяжело вздохнул, опустил плечи и побрёл к холодильнику. Вернулся он с двумя бутылками. Витёк тут же выхватил одну бутылку и ловким движением открыл крышку прямо о край новенького деревянного стола. Раздался хруст. На гладком красивом дереве осталась глубокая, уродливая вмятина. Я даже на стуле подпрыгнула от возмущения. А Рома просто закрыл глаза и сделал вид, что ничего не заметил. Всё, наш романтический ужин был окончательно испорчен.

– А я вам сейчас классный анекдот расскажу! – радостно объявил Витёк, громко чавкая сосиской. – Заходит, короче, лошадь в бар...

Я замерла, так и не донеся кусок помидора до рта. Рома посмотрел на меня с такой тоской, будто просил прощения за все грехи человечества.

– ...а бармен на неё смотрит и говорит: «А чего морда такая кислая?». А лошадь ему и отвечает: «Да работаю как лошадь, а денег ни фига нет!».

Витёк запрокинул голову и оглушительно заржал. Он хлопал себя по коленям так сильно, что пыль летела с его штанов. Я попыталась выдавить из себя смешок, но из горла вырвался только странный писк. Мой мозг просто отказывался понимать, над чем тут смеяться. Я пыталась найти в этой шутке какой-то глубокий смысл. Может, это игра слов? Может, тонкая ирония? Но нет. Это была просто очень глупая шутка. Совершенно не смешная. Витёк перестал смеяться, посмотрел на моё каменное лицо и решил объяснить:

– Поняла, да? Лошадь в баре! Работает как лошадь!

– Да, я поняла. Очень... забавно, – процедила я сквозь сжатые зубы.

– А вот ещё один вспомнил! Про тещу и чугунную сковородку! Знаешь? – не унимался этот невыносимый человек.

Я с мольбой посмотрела на Рому. Он только беспомощно развёл руками. Мол, извини, это же Витёк, он всегда так себя ведёт, я ничего не могу с этим поделать.

Я сидела в этом уютном бистро, где пахло свежей краской и вкусным мясом. Передо мной стояла тарелка с потрясающей едой. Рядом сидел мужчина, который мне очень нравился. И при всём этом я чувствовала себя самой несчастной женщиной на свете. Этот жуткий шум,

эти глупые шутки, этот кислый запах дешёвого пива – это был его мир. Его родная стихия. И я в этом мире снова оказалась совершенно чужой. Как дорогая хрустальная ваза, которую по ошибке поставили в грязный гараж.

– Знаете, мне, пожалуй, пора домой, – я резко вскочила со стула. – Совсем забыла, у меня же скоро важный рабочий звонок. Конференция с Парижем.

Это была наглая ложь. И Рома, и даже Витёк это прекрасно поняли. Но Рома был слишком растерян, чтобы меня остановить, а Витьку было вообще всё равно.

– Рома, большое спасибо за ужин. Сосиски просто... восхитительны, – я заставила себя посмотреть ему в глаза и улыбнуться. – Честно.

Я быстро наклонилась и поцеловала его в щёку. От него пахло приятными пряными специями и немного едкой цементной пылью, которая летела от его друга. Рома не успел сказать ни слова в ответ.

Я почти бегом бросилась к выходу. Мне хотелось как можно скорее спастись от этого простого, шумного, настоящего мира. Мира, в котором для меня просто не было свободного места.

Наша попытка всё исправить с треском провалилась. Мы были как две детали от разных конструкторов. И я совершенно не представляла, как нас можно соединить вместе.

* * *

Прошла неделя. Сегодня был важный день – предофициальное открытие бистро «Бабушка» для «своих». Я долго стояла перед зеркалом в своей квартире.

«Так, Ева, соберись, – говорила я своему отражению. – Делай глубокий вдох. И медленный выдох. Ты взрослая, умная женщина. Ты идёшь на праздник к своему мужчине. И ты будешь милой. Очень милой! Даже если тебе придётся весь вечер улыбаться через силу и слушать разговоры про перфораторы и цемент. Ты всё сможешь».

С этой мантрой я вызвала такси и поехала к нему. Господи, как только я открыла дверь бистро, меня тут же оглушило. Внутри стоял невообразимый шум и гам. Люди смеялись, громко разговаривали, чокались стеклянными бутылками. Воздух был пропитан запахом жареных пирожков, чесночного соуса и какого-то всеобщего веселья. Мой натренированный, чувствительный нос парфюмера чуть не сошёл с ума от такой атаки.

Но, если честно, здесь было здорово. Это было живое место. Тёплый цвет стен словно светился изнутри. Разные деревянные стулья и столы смотрелись очень гармонично. А в центре всего этого праздника сияла кухня. Она была натёрта до такого блеска, что в ней можно было увидеть своё отражение.

Кажется, все друзья Ромы пришли его поздравить. Рыжий Витёк стоял в центре зала. Он даже не переоделся после работы, так и пришёл в пыльной робе. И он снова громко рассказывал какой-то пошлый анекдот. Моя ассистентка Лена стояла рядом и краснела, слушая его. Она первая меня заметила и подбежала.

– Ева! Вы всё-таки пришли! Как здорово! – она радостно зашебетала. – А я вам тут просекко припасла. В настоящем стеклянном бокале!

– Спасибо, Лена, ты моя спасительница, – я взяла бокал, вцепившись в него, как утопающий в спасательный круг.

Я честно старалась быть милой, как и обещала себе. Вежливо улыбалась, когда Витёк подошёл и снова с размаху хлопнул меня по плечу. Я чуть не выронила свой бокал с вином.

– О, какие люди! – прогремел он. – А мы тут как раз анекдот травим! Заходит, значит, лошадь в бар...

Я продолжала натянуто улыбаться. Пыталась найти в этой шутке хоть каплю смысла. Лошадь в баре. К чему это? Зачем? Но все вокруг так громко хохотали, что я поняла – логику тут искать бесполезно.

Я кивала головой, когда какой-то угрюмый механик с чёрными от мазута ногтями полчаса рассказывал мне про то, как правильно ловить рыбу зимой. Я была идеальной девушкой. Фарфоровой куклой, которую принесли на чужой праздник.

А Рома летал по своему быстро, словно у него выросли крылья. Он был в своей тарелке. Он успевал всё на свете: наливать друзьям пиво, выносить подносы с горячими пирожками, принимать поздравления, жать руки и громко смеяться. Он был самым ярким солнцем в этой комнате.

Я стояла в сторонке, смотрела на него и чувствовала тихую гордость. Он такой молодец. Это мой мужчина. И впервые эти слова – «мой мужчина» – не вызвали у меня внутреннего сопротивления. Но тут дверь открылась, и появилась она.

Она не просто вошла, она впорхнула в зал, как яркая тропическая бабочка. Высокая, очень стройная, с копной огненно-рыжих волос и ослепительной улыбкой. На ней было облегающее красное платье, которое сидело просто идеально. На руках звенела куча золотых браслетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.